

Тебе, любовь моя,
хоть ты никогда и не прочтешь эту книгу.
И всем тем юношам и девушкам, что, сидя на скамеечках в парках,
хранят глубоко внутри древние секреты
и удивительные истории

У психопатов есть общая черта:
виртуозная способность выдавать себя за обычных
нормальных людей, тогда как за этим фасадом —
жесточкой и великолепной маской —
бьется холодное сердце безжалостного хищника¹.

“Мудрость психопатов”,
Кевин Даттона,
доктор философии и член Королевского
медицинского общества

ЛЕТО. НАШИ ДНИ

Пейзаж все сильнее и неумолимее погружал его в летнюю атмосферу, в эту особую расплавленную радость, от которой ты чувствуешь необыкновенную легкость.

Ему почти удавалось различить гомон маленького, бурлящего жизнью приморского городка, из лета в лето оживавшего с наплывом отдыхающих, что сбегали сюда, на короткое время возводя стену забвения, отделявшую их от работы и череды дел, и оставались только море и солнце. Открыточный вид был чуть хаотичен: домики, разбросанные по-над морем, без намека на планировку застройки, напоминали цветы, яркими пятнами рассыпанные на зеленом просторе.

Оливер немного расслабился, хоть поначалу правостороннее движение вызывало напряжение у лондонского жителя. Позади уже осталась гора Масера-де-Кастийо, северный склон которой смотрел на деревушку Кортигера, а южный сбегал к городку Инохедо. Необычное плато Кастио, похожее на темный у основания параллелепипед, выросло из земли, точно гигантская табуретка, забытая после посиделок каким-то местным богом.

По мере того как Оливер продвигался вперед, дома теснились все плотнее, стараясь захватить участки, откуда открывались роскошные виды на прибрежную идиллию.

Движение встало ровно в тот момент, когда Оливер увидел плакат “Добро пожаловать в Суансес”; он сообразил, что раз

так отчетливо пахнет морем, то впереди наверняка пробка — длинный душный червяк из машин, набитых пляжными зонтиками, кремами для загара, разноцветными полотенцами, игрушечными ведерками и лопатками, которыми дети скоро примутся возводить кособокие замки.

Предвидя долгое топтание на месте, Оливер вздохнул. Он пригладил густые темные волосы, его темно-синие глаза пристально всматривались в открывавшийся справа пейзаж. Широкое устье реки Сан-Мартин-де-ла-Арена — или Ворчуньи, как называли ее местные — плавными излучинами расширялось к морю, Оливер отчетливо видел, как внизу, под обрывом, река избородила почву, образовав эстуарии. Чтобы скрасить ожидание, он решил поизучать машину, которую взял напрокат, черный “фиат 500L”, — на его взгляд, типично дамское авто. Он принялся нажимать на кнопки радио. Зазвучали гитарные аккорды, вступило фортепиано, а следом машину заполнил уверенный и проникновенный мужской голос.

Оливер узнал печальную композицию — “Дай ей уйти” группы *Passenger*. Песня была о том, что люди ценят лишь то, что утратили. Оливер не нуждался в песенках, чтобы вспомнить Анну, ее длинные рыжие волосы, гладкие, как линия горизонта в пустыне. Она всегда была с ним, частью его самого — глубокая, но невидимая рана, которая все никак не затянется, пусть даже черты Анны уже начинали размываться в памяти. И все же музыка перенесла Оливера в их последние дни. В прошлое, казавшееся теперь таким далеким, утонувшее в бездне памяти.

— Иди сюда. Ты в порядке?

— Конечно, я в порядке. Что за вопрос. Важно, в порядке ли ты, — отозвался Оливер, стараясь, чтобы голос звучал не слишком заботливо.

— Нам нужно поговорить. — Она смотрела на него с умудренностью человека, осознавшего, что ему уже нечего терять. — Я хочу, чтобы ты отвлекся, познакомился с новыми

людьми. С кем-нибудь познакомился. Мне неважно когда, но я не против, понимаешь?

— Ну что за глупости. Не будь тебя, я бы встречался с двадцатью девушками разом, — улыбнулся Оливер. — И вообще, все у нас наладится. Либо так, либо я потону в распутстве. — Он подмигнул.

Она тоже улыбнулась, но взгляд ее был устремлен куда-то вдаль, нездешний взгляд.

— Оливер, мы оба знаем... — Анна вздохнула, устало, посмотрела ему в глаза. — Оливер, настоящее счастье только то, что взаимно.

— Не поступай так со мной.

— Как не...

— Не прощайся, — перебил он.

СТОП. Очень вовремя: белые буквы на красном восьмиугольнике возникли на столбе справа. При такой скорости знак выглядел насмешкой. Оливер вынырнул из прошлого, вернулся на дорогу, к пейзажам и к пиликанию мобильного телефона.

— Да? Я слушаю. — Он нахмурился, прищурился, словно это могло как-то улучшить качество связи.

— Оливер Гордон? — Мужской голос в трубке звучал далеко-далеко, фоном ему служило подобие оркестра из молотков, дрелей и еще чего-то, напоминавшего визг циркулярной пилы.

— Это я. Кто говорит?

— Рафаэль Бернадес, партнер Антонио из строительной фирмы... Помните? Мы с вами несколько недель назад созванивались.

— Ах да, точно. Конечно, я вас помню. Вы прораб? Как там все продвигается?

— Ну... (Пауза.) Я как раз на вашей вилле, сейчас работает бригада каменщиков и плотников. Мне нужно вам кое-что сообщить... срочно. Вы можете разговаривать?

— Я за рулем, но в пробке, так что да, могу поговорить. Собеседник откашлялся, будто подыскивая слова.

— Эээ... А вы, кстати, скоро вернетесь из Англии?

Оливер, начавший уже терять терпение, невольно улыбнулся.

— Смотря что для вас значит “скоро”. Я первым утренним рейсом прилетел в Бильбао, а сейчас нахожусь минутах в пятнадцати езды от Суансеса. Так что, будем надеяться, вернусь скоро, если получится выбраться из пробки отпускников. А можно узнать, что происходит? Какие-то проблемы с перепланировкой?

— Как хорошо, что вы уже здесь, я не ждал вас раньше чем через неделю или две.

— Да уж. Выкладывайте, Рафаэль, в чем дело?

— Дело в том, что мы кое-что нашли между стенными перегородками в подвале... Где вы велели освободить место для детской зоны, ну, для игровой зоны.

Оливер тяжело вздохнул и удивленно приподнял бровь, переключился на первую скорость — движение окончательно замерло.

— Так, и о чем речь? О твердой породе, которую невозможно пробурить, о проржавевших трубах или о мрачной тайной комнате? Что там такого важного? — спросил он, скептически улыбаясь в ожидании какого-нибудь абсурдного ответа. На заднем плане играло радио; музыка, тихая и тоскливая, совершенно не сочеталась с их странным разговором.

— Сами увидите, с такими вещами нужно обращаться осторожно, потому что нам могут остановить все работы, но, ясное дело, только вам решать, стоит ли обращаться к властям и что предпринять. Вот так, в общем.

Оливер начал злиться.

— Могу я, черт возьми, узнать, что вы там такое обнаружили в подвале? Если римские амфоры, то оставим их себе. Или там дремлет братец Дракулы?

— Нет. — Прораб проигнорировал сарказм. И в трубке снова воцарилось молчание, нарушаемое только стуком молотка. — Там... тело ребенка, сеньор Гордон. Гребаное тело ребенка, — выдохнул строитель, словно освобождаясь от давившей на него информации.

В этот момент песня сменилась голосом радиоведущего, принявшегося болтать о последних хитах и музыкальных чартах. Оливер, велел прорабу дожидаться его, дал отбой и уже ничего не слышал; его окутала тягостная тишина, он вел машину точно сомнамбула, лишь глухо стучало сердце, пока, промучившись четверть часа за рулем, не добрался до виллы, где, сопровождаемый Рафаэлем, напрямик направился к страшной находке. Его не покидало чувство, будто он спускается не в подвал своего дома, а в чью-то могилу.

ДНЕВНИК (I)

Н а тот случай, если со временем утихнут отголоски прошлого, погаснет его свет и рассеются воспоминания о лицах людей, подаривших нам жизнь, должно сохраниться письменное свидетельство всего, что случилось. Свидетельство того, что продолжает происходить, — до меня долетела весть, что на вилле “Марина” обнаружили маленький скелет. Из моей памяти почти выветрилось, что он покоился там с миром. Но у любой истории есть начало. Я помогу тебе погрузиться в прошлое, чтобы увидеть, как проступила Сущность. Чтобы понять ее, тебе придется отправиться в прошлое вместе со мной.

Ты чувствуешь это? Этот запах селитры и эту беспечную людскую радость? Мы вернулись в лето 1936 года.

Волны нескончаемой чередой накатывают на красивый пляж в северной части Испании, прежде эта территория называлась провинцией Сантандер. Солнце ласкает крупный песок, на котором весело играют дети.

Ракушечный пляж приморского городка Суансес по-матерински тепло принимает семьи. Прячет их от могучих волн Кантабрийского моря в объятиях бухты, окруженной скалами, оберегает от бушующей стихии, атакующей другой, открытый берег, куда более суровый и дикий, прозванный Пляжем безумцев. Макушку выступающего в море полуострова

венчает мыс Торко, с которого старый маяк в темноте подмигивает берегу, шлет световые свои поцелуи.

С высоты мыса видно, что Суансес состоит из двух частей. На склоне плато, спускающегося к побережью, небольшой городок, с мэрией, и рыночной площадью, и полицейским участком. Но ниже, за портом, там, где заканчивается протяженный Ракушечный пляж, у речного устья прячутся крошечные, уютные пляжи и бурлит иная, отпускная сезонная жизнь, выплескивается из новеньких отелей и летних домиков, окруживших пристань и рыбацкие лодки.

Суансес... Мысленно я могу нарисовать эту землю даже с закрытыми глазами. На севере — Кантабрийское море; на юге, вверх по реке, — городок Торрелавега; на востоке — старинная деревня Миенго; на западе — прекрасный Сантьяна-дель-Мар. Кантабрийское море омывает россыпь рыбацких деревушек: Инохедо, Кортигера, Онгайо, Пуэнте Авиос и Тагле. О каждой из них сложено немало легенд.

Вновь обратим свой взор к деткам, что играют на теплом песке, к плавным дюнам, подернутым зелеными брызгами травы, сбегаящим на золотой берег.

Ты узнаешь эту девочку по ее движениям, по выражению глаз. Ей почти восемь; она такая щедрая, такая маленькая, такая хрупкая. У нее длинные и волнистые каштановые волосы. Ее повсюду сопровождают взгляды, словно за ней тянется невидимый шлейф. И не скажешь, что она писаная красавица, но перед этой улыбкой, перед этими глазами не устоять.

Ее зовут Хана. Имя это никогда не забудешь.

Она застенчива. Она играет с братьями и сестрой, сражается с волнами, а блики солнца играют на ее коже. Она грациозна от природы, в ней пока еще спит та красота, которой все будут любоваться, и никто не ведает, что таится в этих больших зеленых глазах.

Это особый день, выходной, — подарок их отца. Тот почти час греб к Ракушечному пляжу по реке Сан-Мартин-де-ла-Арена,

к которой несут свои воды речки Саха и Бесайя. Через несколько часов им придется вернуться в Инохедо, к тяжкому труду, из которого состоит каждый день крестьянина и рабочего.

Но вдруг происходит что-то странное. Среди людей пробегает волна испуганных возгласов и суетливых движений, и вот пляж пустеет в мгновение ока и теперь будет отсчитывать пустые одинокие часы в ожидании лучших времен.

— Дети! Идите сюда! Сейчас же! — отчаянно кричит кто-то.

Это Бенигно, отец Ханы, — высокий мужчина, худой и жилистый, с темными глазами и орлиным профилем. Дети, мгновение назад безмятежно игравшие в прибое, изумленно смотрят на отца. Еще же рано. Когда зовут обедать, так не кричат, любой дурак догадался бы. Дети испуганно замолкают.

— Идите сюда, я сказал! Давид, Клара, Антонио... Хана! Ну-ка, вылезайте из воды! — Отец торопится к воде, лицо у него бледное, на нем написан страх. — Живо, нам нужно домой! Давайте! Сейчас же! Марш одеваться! — Он срывается на крик и указывает в сторону расстеленных полотенец, где Кармен, их мать, в спешке собирает вещи.

Это невысокая женщина с темно-русскими волосами, взгляд ее ярко-голубых глаз беспокойно мечется по сторонам, она напоминает перепуганную мышку.

— Папа, что случилось? Что мы сделали? — спрашивает Давид, старший, выходя на берег. Он напуган.

— Ничего. Вы ни при чем. Мы возвращаемся домой — и помалкивайте.

— Но папа! — подает голос Хана. — Мы же недавно приехали!

— Уходим! Живо. — Отец замолкает, хватая Антонио и Хану за руки, взглядом приказывает Давиду и Кларе следовать за ними.

Дети в ужасе смотрят, как все люди вокруг лихорадочно собирают вещи.

— Пап, но что?..

— В стране переворот. Республика пала. Война. Поняли? Война. Проклятая гражданская война. Гром их разрази, Бога и всех архангелов, — бормочет отец, тщетно пытаюсь сдержать беспокойство.

То утро 18 июля 1936 года Хана запомнит не из-за игр в ласковых волнах, не из-за терпкого соленого и сияющего солнца, а из-за выражения ужаса и потерянности на лицах родителей, из-за спешного возвращения домой на взятой внаем лодке. В тот день мир погрузился в тревожную настороженность.